

РЕЦЕНЗИИ

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л.: Наука, 1983. 208 с.

В заглавии книги А. В. Бондарко представлены две области, которые находятся в центре лингвистической проблематики современности: актуальность функциональной грамматики обусловлена важностью изучения языка в действии, а категория аспектуальности, привлекавшая внимание почти исключительно славистов, в последнее время начала рассматриваться в общезыковедческом плане¹. Следует отметить, что А. В. Бондарко в каждой работе, посвященной этим областям, расширяет и углубляет круг рассматриваемых вопросов и вводит изменения в методику анализа, что характерно и для данной книги, состоящей из двух частей: I — Теоретические вопросы функциональной грамматики (с. 3—115) и II — Исследование функций глагольного вида и аспектуальных ситуаций (с. 116—189). Заключение (с. 190—200) посвящено характеристике категориальных и аспектуальных ситуаций, т. е. понятий, которые важны для исследованных высказывания и текста.

Посылки своей концепции А. В. Бондарко находит в развитии грамматической традиции и рассматривает данную разновидность функциональной грамматики (ФГ) в качестве «дополнительной по отношению к основному типу грамматического описания» (с. 6), поскольку движение от формы к значению было и остается основным принципом грамматики. Вместе с этим, характеризуя основы построения ФГ, автор отмечает, что они менее ясны, чем принципы грамматики формальной. По его мнению, ФГ включает описание семантических категорий, опирающихся на различные средства их выражения в грамматике, а также изучение закономерностей и правил функционирования грамматических форм и конструкций, взаимодействующих с единицами разных уровней языковой системы при передаче содержания. Соблюдая принцип анализа «от функции к средствам ее выражения», необходимо выявлять разновидности отдельных функций, которые не совпадают со значением, определяемым как внутреннее системно значимое свой-

ство формы, относящееся к содержательной стороне языка. В качестве основного принципа построения ФГ названо описание системы функционально-семантических полей (ФСП) как единств разных уровней и рангов, и даны русские примеры таких систем, обладающих моно- и полицентрическими структурами. Такое описание должно быть дополнено проекцией на речь, где происходит взаимодействие ФС-полей в высказывании.

А. В. Бондарко неоднократно возвращается к тому, что при описании ФС-полей как основного своего компонента ФГ должна опираться не просто на семантику, а лишь на категориальные смыслы, «которые в своем языковом воплощении не только выражаются так или иначе в речи, но и принадлежат строю языка, лежат в основе грамматических (лексико-грамматических) единиц, классов, категорий» (с. 52). Это напоминает о былой морфологической ориентации в теоретических разработках автора. Автор и сам указывает, что значительно сложнее дело обстоит в области синтаксических конструкций, и задает вопрос: «Какие конструкции являются категориальными, а какие некатегориальными?» (с. 53). Можно было бы переформулировать вопрос и спросить: если исходить не из теории ФС-полей, а из принципов развертывания синтаксических конструкций, в которых учитываются другие функции [2], то могут ли категориальные смыслы определяться по степени информативности, данности/новизны, известности/неизвестности, соответствия/нарушения развертывания логики мысли, выражения в средствах языка фактов реального/воображаемого мира и т. п.² И далее — можно ли с этих позиций подойти к определению функциональных свойств морфологических средств? По-видимому, можно, но это будет уже другой вариант ФГ, и, следовательно, разбирать теорию А. В. Бондарко надо, став на его позиции.

Автор показывает соотношение конкретно-языкового и универсально-понятийного аспектов ФСП, последний из которых отражает общность мыслительных категорий, восходящих к единству отражения субстанций, свойств и отношений объективной внеязыковой действительности. Семантические категории и признаки, лежащие в основе ФСП в их конкретно-языковой интерпретации, рассматриваются в виде элементов строя данного языка, т. е. его онтологии.

В главе, посвященной семантическим основаниям ФГ, предложено различать

¹ Сопшемся хотя бы на то, что в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес) имел место международный симпозиум о категории вида, представленной на материале малайского, китайского, индонезийского, креольских, турецкого, английского, русского и даже языка жестов у глухонемых [1].

уровень единиц и категорий мыслительного содержания и уровень единиц и категорий языкового содержания, строящийся на первом, но обусловленный системой данного языка (с исключением асемантического структурного содержания).

В виде рабочей гипотезы выдвигается положение об иерархии понятийных категорий и выделении двух уровней — универсальных фундаментальных категорий и категорий, реализующихся в семантических функциях данного языка. Демонстрируется также относительная самостоятельность языкового и мыслительного содержания, а также универсальность основных грамматических значений, которые могут в конкретных языках сопровождаться периферийными элементами типа ближайшего будущего, противопоставленного отдаленному будущему (там, где есть соответствующие формы). На этих основаниях автор выводит принцип автономности функциональных грамматик различных языков, т. е. построения ФГ на основе универсальных фундаментальных единиц, категорий и группировок мыслительного содержания с учетом семантической интерпретации их в каждом отдельном языке. Этот принцип следует всемерно поддерживать, т. к. он позволяет сравнивать структуру ФС-полей в разных языках и демонстрировать их специфику.

В первой части книги на материале поля аспектуальности ставятся проблемы сопоставительного и диахронического исследований в рамках ФГ. Показано, что ФСП аспектуальности конституируется языковыми средствами, объединенными семантическими функциями, которые принадлежат к области аспектуальных отношений, универсальных в своей основе. К числу последних отнесены: предельность/непредельность, развитие процесса/целостность факта, действие или состояние, локализованность/нелокализованность действия во времени и пр. В качестве доминанты ФСП названо различие между единичностью и повторяемостью действия, т. е. его локализованностью и нелокализованностью во времени. В русском языке этот признак различает совершенный и несовершенный виды (далее — СВ и НСВ) наряду с признаками отношения действия к его пределу, но важнейшим признаком является признак целостности/нецелостности действия.

Далее автор предлагает программу сопоставительного исследования поля аспектуальности в разных языках, отметив две проекции: на систему языка и на высказывание и, шире, текст. В первом случае исследуются соотношения иерархии компонентов поля и иерархии семантических признаков, а во втором вводится понятие аспектуальной ситуации. Показано также, что весьма важным является и диахроническое исследование становления ФСП, например, глагольного вида и залога в славянских языках. Центр поля формировался здесь во взаимодействии с лексикой и словообразованием на базе древней тесной связи аспек-

туальных и залоговых семантических категорий в индоевропейских языках.

Анализ функционирования грамматических единиц, прежде всего слова, должен, по мнению А. В. Бондарко, проводиться на трех уровнях их существования: абстрактно-грамматической системы, репрезентации этой системы в лексических единицах и их функционирования в тексте. На первом уровне категориальные значения форм выступают как обобщенные содержательные типы, на уровне репрезентации они проявляют зависимость от лексики, а на уровне реализации взаимодействие с лексикой может быть представлено в отдельном слове. Далее дано описание грамматически значимого контекста и взаимодействия с ним грамматической формы. Таким образом, можно сказать, что основной пафос первой части рецензируемой книги состоит в утверждении того, что описание системы ФС-полей выступает как главный принцип решения более широкого вопроса — проблемы характера системности в языке. Из материала книги явствует, что система в языке не может быть сведена к оппозитивным отношениям, как полагают многие, а представляет собой более сложную сетку отношений, в которой играют роль не только статические, но и динамические характеристики. Последние обнаруживаются при функционировании языка, т. е. в речи.

Во второй части книги автор при анализе категории СВ и НСВ в русском языке пытается выйти за пределы грамматического учения о слове. В этой части дан анализ аспектуальных ситуаций, который позволяет раскрыть видовую семантику на уровне высказывания и шире — текста. Исследование сосредоточено на двух основных функциях НСВ — процессной и обобщенно-фактической, из которых первая является ядром категориального значения НСВ, а вторая интересна тем, что характеризуется сближением функций НСВ и СВ и включает неуниверсальные семантические элементы. Подчеркивается, что универсальность процессности как понятийной категории обусловлена в объективной действительности ситуацией непосредственного наблюдения говорящим и слушающим. При этом для выражения могут быть использованы любые средства языка, а не только глагольные формы. В связи с комбинаторикой процессности затрагивается функция таксиса (выражения одновременности, предшествования и следования действий) и роль деэпричастия в выявлении сопутствующего действия, отмечается категориальный статус функции у этой формы.

Анализ обобщенно-фактической функции НСВ позволил выделить два типа ситуаций: обобщенно-событийную и обобщенно-назывную. Сравнив использование форм СВ и НСВ, автор показывает, что форма НСВ либо не выражает целостности действия, либо нейтральна к ней (эти значения могут, однако, содержаться в контексте), и это позволяет определить НСВ как немаркированный член видового противопоставления, допускающего

нейтрализацию в обобщенно-фактической функции.

Специалистам по общей и русской аспектологии предлагаемый в книге анализ функций НСВ и его сопоставление с СВ даст, по-видимому, много интересного материала для полемики. Нам бы хотелось заметить, что А. В. Бондарко ищет обоснования общей теории аспектных отношений, в каждой работе предлагая уточняющие решения. Если в 1979 г. он отметил, что «...нет возможности выявить такой инвариантный семантический признак, который охватывал бы все значения в поле аспектуальности любого языка...» [3, с. 232], то в данной книге высказано предположение, что таковым может быть единичность/повторяемость действия во времени, т. е. темпоральная локализованность / нелокализованность. Книга А. В. Бондарко убеждает в том, что поиск универсальных признаков аспектуальности, опирающихся на параметры событий окружающей действительности и учитывающих данные отдельных языков, можно и следует продолжать.

В Заключении автор останавливается более подробно на введенном им понятии аспектуальной ситуации (далее АС), которое, по его мнению, «может стать основным определяющим для аспектологических исследований на уровне высказывания и текста в самом широком смысле слова» (с. 190). Автор разъясняет, что АС — это типовая содержательная структура, которая базируется на ФСП аспектуальности и представляет сторону, или часть, общей сигнификативной ситуации, соотносимой с выражением характера протекания и распределения действия во времени. В форме АС может быть представлена и описана вся аспектуальная семантика высказывания, передаваемая не только видовыми формами, но также контекстом и лексическим значением глаголов. Категория вида выступает как частный случай АС в морфологии, который во взаимодействии с другими элементами определяет всю акциональную сторону содержания высказывания, отражающего фрагмент реальной действительности. Автор настаивает на том, что АС является лингвистическим понятием, поскольку относится к области языкового содержания и всегда связывается со средствами языкового выражения. Понятие АС включается в ряд других категориальных ситуаций (далее КС) — темпоральных, модальных, посессивных и т. п. и выступает в качестве видового понятия по отношению к КС как понятию родовому, связанному с предикативностью. При этом типовые КС существуют в форме многоступенчатой вариативности в каждом высказывании. Анализ общих ситуаций текста может позволить выделить доминирующую КС, т. е. установить категориальную доминанту текста (императивную, обобщенно-узусальную, конкретно-повествовательную и т. п.), путем выделения микро- и макроситуаций или установления системы ФСП и лежащих в их основе семантических категорий. А. В. Бондарко указывает, что понятие АС имеет поисковый характер и ориентировано «на исследование и опи-

сание взаимодействия всех языковых средств высказывания (как грамматических, так и неграмматических), участвующих в выражении рассматриваемой семантики» (с. 199).

Введение понятий КС и АС как частного ее случая можно объяснить стремлением автора построить некоторый вариант перехода от мысли к тексту. Следует согласиться с тем, что между собственно мыслительной сферой с ее единицами и средствами их выражения в языковых единицах существует некая промежуточная зона, допускающая разные ступени перехода, одна из которых занимает грамматическая семантика. Именно последняя привлекает за последние годы все больше внимания в связи с выделением в особую область семантики синтаксиса.

Семантика же морфологии с давних пор разрабатывалась в виде обоснования и описания морфологических категорий, прямолинейно сопоставлявшихся с понятиями (логическими) категориями. Однако в наши дни учение о семантике морфологии также претерпевает изменения, и это явственно ощущается при знакомстве с теорией А. В. Бондарко, в которой, наряду с семемами, значениями и категориями, выделена еще одна сфера (или зона) грамматической семантики. Основными компонентами в этой сфере оказались КС-ситуации, общие и частные.

Естественно, у читателя возникает ряд вопросов, в частности вопрос о целесообразности выделения подобного рода компонентов, или единиц. Думается, что ответ может быть только утвердительным, если исходить из более общего положения, что универсально-мыслительному соответствует универсально-языковое, реализующееся в конкретно-языковом. Универсально-мыслительные категории есть не что иное, как фундаментальные семантические категории, универсально-языковое выступает в виде ФС-полей, наличие, конфигурация и состав которых определяют конкретно-языковые особенности. Так нам представляется глобальная схема концепции А. В. Бондарко, в которую в рецензируемой работе введена определенная динамика, т. е. учет всех языковых средств в высказываниях и уже на этом основании установление функций грамматических средств. Именно в связи с этим и появляется новая система понятий, обобщенная в термины ситуаций и зеркально отражающая набор ФС-полей: «Самый состав типовых КС определяется системой фундаментальных семантических категорий, лежащих в основе ФСП данного языка», — пишет автор (с. 197). Однако, с другой стороны, КС представляют определенный аспект передаваемой в высказывании общей сигнификативной ситуации и производны от нее. Таким образом, КС характеризуются двойной производностью, которая, с нашей точки зрения, может быть объяснена через двойственную природу языка — его существование как в сознании говорящих (в виде системы), так и в речи (в виде высказываний, и шире — текста). Именно производность от речи объясняет такую характеристику КС, как пре-

дикативность, ибо без последней не может осуществляться главная базовая функция языка — коммуникативная. Выделение же таких содержательных единиц, как значение слова, сема и т. п., соотносимо с другой базовой функцией — когнитивной, и поэтому они входят в арсенал системы языка.

Таким образом, идея соотношения общих содержательных единиц (компонентов) в сфере речи и в сфере языка может быть принята. Однако, хотя мы и воспользовались терминологией А. В. Бондарко, она нас все-таки не удовлетворяет. Мы допускаем использование термина «ситуация» с определениями «денотативная» и даже — «сигнификативная», когда речь идет о семантической стороне. Однако «категориальная ситуация» является, по нашему мнению, не очень удачным словосочетанием из-за второго слова, которое соотносится с фактами внеязыковой действительности в своем нетерминологическом, обыденном значении, да и в более узком употреблении (ср., например, «ситуация речевого акта»). А. В. Бондарко сам отмечает, что для того фрагмента содержательной стороны высказывания, который именуется «аспектуальной ситуацией», был использован термин «тип аспектуального контекста» (с. 192), и очень хочется пожелать автору либо вернуться к этому термину, либо подобрать какой-либо другой (например, «категориальный смысл высказывания», «аспектуальный смысл» и т. п.). Следует обратить внимание, что термин «ситуация» в употреблении автора превращается в синоним терминов «смысл» и «значение», например, когда говорится, что в высказывании *Сколько дорог!* наличествуют квантитативная и экзистенциальная ситуации (с. 195), а в высказывании *Сюда кладите!* — императивная и локативная. Конечно, выделенные и описанные явления имеют категориальный статус, но термин для их обозначения нуждается в дополнительном обдумывании.

Терминологическая практика показывает, что широким научным кругам легче привыкнуть к новому термину, чем к новому значению старого, особенно, если последний имеет опору в обыденном употреблении [4].

Можно было бы спросить рецензента, почему для полемики был выбран терминологический вопрос, но для полемики по кардинальным проблемам, поднятым в книге А. В. Бондарко, надо было написать книгу не меньшего объема, ибо широким, глубоким и сложным является ее предмет. В заключение отметим, что, как и предыдущие работы автора, данная монография имеет большое значение для разработки проблем общего языкознания, и, главное, одной из кардинальных проблем — соотношения языка и мышления. В этом разностороннем труде читатель найдет много интересного материала в области как русской, так и общей асептологии. Кроме этого, книга А. В. Бондарко представляет собой существенный шаг в обосновании принципов функциональной грамматики.

Слюсарева Н. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tense — aspect: between semantics and pragmatics. Ed. by Hopper P. Amsterdam, 1982.
2. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
3. Бондарко А. В. Принципы сопоставительного исследования аспектуальных отношений. — Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1979, t. 29 (3—4).
4. Бондарко А. В. Аспектуальные ситуации и вопрос о «категориальных ситуациях» в грамматике. — В кн.: Семантика аспектуальности в русском языке. Тарту, 1982.

Будагов Р. А. Язык — реальность — язык. — М.: Наука, 1983. 261 с.

В новой книге Р. А. Будагова, непосредственно связанной со всеми предшествующими широко известными публикациями автора, поднимаются такие «вечно актуальные» вопросы, как взаимосвязь языка и реальности, языка и мышления, в том числе в их развитии, общественная природа языка и др. Книга тщательно документирована, развиваемые в ней положения обосновываются автором на материале разных языков, в первую очередь русского, романских, германских.

Монография состоит из шести глав: (I) Что такое реальность и антиреальность языка? (II) Историческая концепция языка, мышления и реальности. (III) Грамматика и реальность. (IV) Категория времени в грамматике, в тексте и в реальности. (V) Слово и контекст в их отношениях к реальности. (VI)

Место советского языкознания в современной лингвистике. Последняя глава содержит следующие разделы: 1. Постановка вопроса. 2. Два диаметрально противоположных истолкования природы языка. 3. Материалисты и идеалисты. 4. Категория значения и категория отношения. 5. Статика и динамика языка. 6. Литературные и национальные языки. 7. Язык и общество, язык и мышление. 8. Советское и зарубежное языкознание. Итоги исследования представлены в резюме, завершающих главы, и в кратких «Заключительных замечаниях».

Р. А. Будагов начинает книгу с уточнения понятия «пограничной полосы» между языком и реальностью. Он пишет о том, что эта «пограничная полоса» может оказаться «сложной, многоярусной, непрямой», но она всегда реальна